

Татарский малинник

Накануне того самого дня Алине приснился дурацкий сон:

Она идёт после школы со своей любимой учительницей биологии по Интернациональной улице, как обычно, до поворота на улицу Фрунзе, учительница что-то рассказывает ей о медицине и анатомии, потому что Алина уже год как решила, что после школы поедет поступать в Киев, в медицинский институт. О чём бы учительница ни рассказывала, это было всегда очень интересно и ново, Алина слушает её умную речь, как и всегда, не только с интересом, но и с удовольствием, потому что учительница переехала в Евпаторию из Ленинграда и говорит правильно, без южного акцента, совсем как дикторы в телевизоре или известные советские актёры. Они доходят до поворота, учительница поворачивается к Алине и про-

износит своим спокойным, уверенным, слегка кошачьим голосом:

— Учи латынь, но не просто так, а собирай гербарий или бабочек и записывай их латинские названия, чтобы привыкнуть к этому великому языку. Не забывай, что он хоть и мёртвый, но раньше на нём говорила вся Европа.

Учительница кивает Алине и улыбается своим небольшим, пухлым, кошачьим лицом. И вдруг Алина произносит:

— Наталья Родионовна, пожалуйста, научите меня правильно какать.

Это так неожиданно глупо, ужасно и дурассно, что Алине становится страшно стыдно и она застывает на месте, как дерево. Она ждёт, что учительница скажет ей что-то беспощадно умное и уничительно резкое, отчего Алина побежит домой и будет долго рыдать в подушку и кусать свой кулак. Но та вдруг совсем спокойно произносит:

— Как захочется — приходи.

И вот Алина идёт к ней. Ночь. Евпатория спит, улицы темны, пыльно-душны, непривычно узки и завалены всяким хламом. Алина сворачивает на улицу Фрунзе, та вообще сузилась невероятно и наполнена рухлядью, как помойка. Алине приходится протискиваться, перебираться через всё это трухлявое, ветхое, рассыпающееся, а иногда и ползти. Наконец, она находит дом учительницы. Он такой маленький, кособокий, гнилой, как ста-

рый курятник соседей. Роскошное абрикосовое дерево сжалось до ободранного куста с засохшими ягодами, а вместо каменного крыльца здесь какая-то квадратная дверца, словно форточка.

Алина пролезает в эту форточку и вдруг оказывается в огромном пространстве. Это лес невероятных деревьев, широченных и уходящих ввысь мощными кронами, которые в вышине переплетаются, пропуская редкие солнечные лучи. В лесу сумрачно и великолепно. У Алины замирает сердце от величия этого леса.

— Пришла? — раздаётся голос учительницы.

Наталья Родионовна выходит из-за гигантского дерева. По сравнению с ним она — шахматная фигурка с кошачьей головой.

— Раздевайся.

Трепеща, Алина раздевается догола.

— Теперь пошли на полянку.

Учительница берёт её за руку и ведёт по лесу на небольшую поляну. Пробившийся сверху солнечный луч освещает её.

— Присядь, — звучит спокойный умный голос.

Алина опускается на корточки. Под ногами мягкие огромные листья, попадавшие с великих деревьев.

— Теперь успокойся и какай правильно, как ответственный и внимательный ученик нашей советской эпохи, который знает чем инфузории отличаются от обязательных домашних заданий ме-

дицинских кибернетиков геометрического труда космического гербария *matricaria chamomilla* чтобы в кабинете завуча накопление корневых минеральных веществ мясомолочных запасных ног директора знало подвиги восьмого “Б” если внимательные пробирки будут наполнены проросшими семенами магния и натрия а те в свою очередь принесут удобрительное освобождение квадратным сельскохозяйственным растениям...

Алина начинает какать, слушая этот спокойный, умный голос, ей так хорошо сидеть в солнечном луче на тёплых огромных листьях, так приятно, что она цепенеет от удовольствия и начинает благодарно всхлипывать, понимая, что теперь какать всю свою жизнь будет только в этом волшебном лесу, который открыла ей мудрая Наталья Родионова, и всё в жизни Алины будет теперь правильно и хорошо, она всхлипывает, всхлипывает, всхлипывает. И просыпается.

Очнувшись в ночи, она поняла, что очень хочет в туалет по-большому. Она встала, босая пошла по освещённому луной коридору, миновала дверь кухни, вошла в туалет, совмещённый с ванной, включила свет, зажмурилась. Глазам стало ярко. Ванна была наполнена водой, и на полу всё было заставлено кастрюлями, бидонами и банками с водой, которую, как всегда, ещё с августа стали давать только по утрам. Алина села на большой старый унитаз с новым, сделанным дедушкой де-

ревянным кругом и стала какать. Это был не понос. Просто почему-то захотелось ночью, что случилось с ней очень редко. “Дыню ела, рис с кабачком, котлету...” — стала сонно вспоминать она. Закончив, подтёрлась нарезанной газетой “Крымская правда”, дёрнула металлическую ручку на цепочке, уходящей к висящему наверху зелёному бачку. С рёвом хлынула вода. Потом бачок заурчал.

Алина вернулась в постель. Бабушка спала на своей кровати с медными шарами, похрапывая и пришепётывая.

Накрывшись пустым пододеяльником, Алина вспомнила сон, застонала от своей глупости, потом засмеялась в подушку. И заснула.

В это утро они с бабушкой проспали рыбный рынок. А мама с дедушкой заночевали у тёти Капы в Заозёрном.

— Сони мы с тобой садовыя! — сокрушённо трясла кудрявой седой головой полная и добрая бабушка, сидя на своей провисшей скрипучей кровати. — Уплыли наши луфарики! Мамка нам спасибо скажет.

Позавтракав яичницей и помидорами, выпив вкусного, разведённого кипятком сгущённого какао с бабушкиным печеньем, Алина занялась гербари-

ем, клеивая засушенные цветы в альбом и подписывая их по-русски и по-латински, потом почитала журнал "Пионер", помогла бабушке вынимать косточки из вишен для варенья. Когда бабушка принялась за варку, Алина насыпала себе в карман платья жареных тыквенных семечек и, грызя их, отправилась бродить по городу.

Погода стояла жаркая, август дышал зноем, плавя асфальт, пыль летала по горячим улицам, хоть их по утрам и поливали похожие на усатых жуков поливальные машины. Пройдя по рынку и никого из знакомых сверстников не встретив, кроме противной Вики Бытко, помогающей крикливой мамаше торговать персиками и творогом, Алина свернула с Гагарина на улицу Токарева, затем прошла мимо длинного дома ихтиологов, пролезла в дырку забора санатория МПС, двинулась парком, где всегда пахло эвкалиптами и перегревшейся на солнце туей, снова пролезла в дырку и оказалась на территории детского санатория. Здесь лечили больных полиомиелитом и ревматизмом детей. Мама рассказывала, что раньше это был санаторий НКВД, а потом его передали министерству здравоохранения.

Лузгая семечки, Алина двинулась по санаторскому саду. Больные дети ей не повстречались, ясно, они все были на пляже, который начинался внизу за большим садом. Санаторный пляж Алину не интересовал. Да и выгнать могли няньки в белых ха-

латах. Она подошла к облупившемуся процедурному корпусу и двинулась мимо, заглядывая в окна. Кабинеты пустовали, лишь в одном у распахнутого окна стояли две медсестры с врачихой, курили и что-то весело обсуждали. Они даже не глянули на Алину.

“Все врачи курят, — подумала она. — Надо курить научиться перед поступлением”.

Сонька и Верка из 9-го “Б” уже вовсю курили с парнями на переменах.

Свернув за угол корпуса, пройдя по бетонной дорожке, Алина полезла через кусты спиреи, стряхивая бронзовых жуков с белых мелких цветов, и оказалась на игровой площадке. Здесь стояли небольшая карусель с красными конями, пара качелей, четыре столба с баскетбольными корзинами и большой деревянный танк. На гусенице танка сидел мальчик в очках и тюбетейке. Худая женщина, тоже в очках и широкой соломенной шляпе, кормила его вишней из кулька. Мальчик ел, плюясь косточками, побалтывая своими голыми ногами, одна из которых была очень тонкой. На этой ноге у него был массивный чёрный ботинок, вторая нога была босой. В руках мальчик вертел водяной пистолет, периодически пуская струйки в муравьев. Под деревянным грибком-мухомором в песочнице сидела толстая девочка с няней. Няня читала газету, а девочка делала куличи и выставляла их на край песочницы, что-то непрерывно бормоча. Формой

для куличей у неё была чайная чашка, хотя рядом валялись обычные жестяные формы для песочных куличей. Алина заметила, что девочка — взрослая, почти её ровесница. Она прислушалась.

— Расстрелять сначала всех королей, а потом всех шморелей, всех домработниц, всех шморработниц, потом всех почтальонов и всех мордальонов, потом и всех бульонов, а потом и всех училок, а потом и всех мучилок... — бормотала девочка с серьёзным выражением лица.

И вдруг громко рыгнула, закрыла глаза и широко открыла рот, словно ожидая, что в него что-то положат. Но нянька сидела, не обращая внимания. Девочка закрыла рот и снова забормотала своё.

Алина прошла мимо, двинулась к кирпичному забору.

— Ты чего тут расплевалась? — спросили её сверху.

Она подняла голову. На лестнице, приставленной к персиковому дереву, сидел старик садовник.

— Ничего, — буркнула Алина и, не переставая лузгать семечки, зашагала дальше.

В заборе она нашла знакомую дыру, протиснулась и вылезла в проход-коридор между двумя заборами соседствующих санаториев. У полиомиелитного санатория забор был бетонный, а у лёгочного — кирпичный, с решёткой. Между ними лежала бугристая от селевых потоков земля, по заборам росла пыльная крапива. И валялись

разные старые вещи. Сторонясь крапивы, Алина двинулась по проходу вверх, откуда в дожди текли потоки воды. Вещи попадались самые разные: колесо от тачки, ржавые консервные банки, тряпки, куски толя, сломанная мотыга, дырявая лейка, кусок бетона, бутылка, какой-то ржавый прибор, голова пластиковой куклы. Алина вытащила голову из земли, обтёрла. Голова была без волос и глаз, с красными пухлыми губками. Надев голову на палец, Алине пошла выше, здесь вода вымыла целый овраг со слипшимся, сохлым хламом на дне. Из оврага пованивало тухлятиной. Алина обошла его, обожглась крапивой, уронила голову на дно оврага, чертыхнулась и вскоре вышла из прохода на пустырь, заросший малинником. Оба забора расходились, образуя этот пустырь. Место называлось "Татарский малинник". Бабушка рассказывала, что раньше здесь татары выращивали садовую малину, очень вкусную. А потом их всех выселили из Крыма за то, что во время оккупации "они немцам жопу лизали". Маленькая Алина это не очень понимала и представляла, что каждый татарин, встретив на улице загадочного немца, должен был опуститься на колени, немец спускал штаны, представлял ему попу, а татарин лизал. "И за это их всех повиселяли?"

Алина ступила в малинник. Он совсем одичал, разлеперился, подзарос полынью и крапивой, местами высох. В нём было жарко, душно и пахло осо-

бенно, сладким горячим перегином. Малина давно отошла, но на ветках остались висеть подсохшие ягоды. Их было вкусно жевать. Двинувшись по малиннику, Алина стала рвать сохлые ягоды. Ещё в этом малиннике водились змеи. Пожёвывая, глядя под ноги, она шла в душном межрядье. И вдруг услышала стон. Он шёл из глубины малинника. Стонала женщина. Алина прошла дальше по межрядью, глянула направо и присела.

На земле в сохлой траве лежали двое. Худощавый, мускулистый, почти чёрный от загара мужчина в белой исподней майке и чёрных брюках лежал на женщине в цыганском платье. Её ноги были оголены и раскинуты, лицо повернуто набок, щекой прижалось к траве. В руке у мужчины был нож. Острие его упиралось в другую щеку женщины. Глаза у женщины, чёрные, смоляные, металлись, хотя прижатое к земле лицо было неподвижно — оно боялось ножа. Чёрные штаны мужчины были приспущены, и виднелся худой бледный зад. И на этом заду, на каждой ягодице, было вытатуировано по глазу. Открытому глазу с ресницами. Зад настойчиво двигался, хотя сам мужчина лежал на женщине неподвижно. И глаза глядели с ягодиц. Женщина слабо стонала. Её худые руки в браслетах раскинулись бессильно. Периодически мужчина что-то рычал в лицо женщине, и ноги её начинали странно содрогаться, словно пытаясь помочь ему. Но они были такие худые, беспомощные, что ниче-

го не могли. Алина сидела на корточках, затаив дыхание. Сухие ягоды остались у неё во рту. Зад мужчины всё двигался и двигался бесконечно, он был как бы отдельно, мужчина рычал, ноги женщины трепетали и дёргались, а зад двигался и двигался. И это длилось и длилось. Время застыло. И Алина вместе с ним. Рядом застрекотала цикада. И сразу — вторая. Они стрекотали, стрекотали так, словно помогали глазастому заду двигаться, подлаживаясь под его движение.

Алина сидела не дыша. В глазах её всё сгустилось вокруг лежащих.

Вдруг мужчина задёргался, зарычал и грубо выругался. Глазастый зад перестал двигаться. Полежав на женщине, мужчина приподнялся. И Алина увидела его член. Он был как палка и весь красный от крови. Мужчина вытер член о платье женщины, засунул его в брюки, подтянул их, застегнул и встал. Расставив ноги, он стоял над женщиной. Лицо его Алина не видела. Он был коротко острижен. И плечи, руки его были татуированы. Он сложил нож, убрал в карман, плюнул на женщину, пробормотал что-то, шагнул в сторону и исчез в малиннике.

Женщина осталась лежать. Облитая палящим солнцем, в ярком цыганском платье, с раскинутыми ногами, тёмным пахом, она лежала неподвижно, слабо постанывая. Потом, забормотав по-цыгански, подняла кудрявую черноволосую голову